

Размышления над новой книгой

© 2004 г.

И.А. БУТЕНКО

ПРАВА ЧУЖЕРОДЦЕВ И ИНОЗЕМЦЕВ В ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

БУТЕНКО Ирина Анатольевна - доктор социологических наук.

Среди огромного разнообразия книг об истории России, выпускаемых за рубежом, одна привлекла мое внимание по целому ряду причин. Речь идет об исследовании Эрика Лора "Национализация Российской империи"¹, посвященном официальной политике России времен первой мировой войны по отношению к *подданным и выходцам из стран, воюющих с Россией* (это более точное, хотя и более длинное определение, чем "пособники врага").

Эта работа заставила меня задуматься и поделиться с читателями некоторыми соображениями, связанными с тем, как государство решает свои экономические проблемы за счет тех, кто, на его усмотрение, является "не совсем" гражданами, как оно делит население на друзей и врагов и поступает с ними соответственно.

Конечно, особое отношение к *подданным и выходцам* наблюдалось во всех воюющих государствах. Все они проводили кампании, ограничивающие права одних и усиливающие патриотические чувства других. Почему же именно в России названная категория лиц, в начале XX в. приехавших из Германии, стала расти как на дрожжах? Почему сначала она вобрала в себя еще и тех немцев, которые родились и жили в России, причем не одно поколение, а затем включила также евреев, поляков, словаков, мусульман и других неправославных, лиц с нерусскими фамилиями? Отчего стала подразумевать вообще всех предположительно нелояльных граждан, независимо от их гражданства, конфессии, этнических корней или "русскости" фамилии?

В результате такого расширенного толкования, как показывает Э. Лор, категория "пособники врага", первоначально насчитывавшая около шестисот тысяч человек, за два трудных военных года выросла более чем втрое (а двумя десятилетиями позже, как мы знаем, счет пошел на миллионы).

Интересный и детальный ответ на такие вопросы, на мой взгляд, можно найти в этой книге. Она является серией тщательно документированных исследований, посвященных хронологии и анализу политики, приведшей к национализации собственности, принадлежавшей широкому кругу лиц, по разным признакам официально попадавших под обсуждаемую многоликую категорию граждан.

Все написанное далее имеет смысл читать, помня о том, что российское государство было, как отмечает Э. Лор (с. 22), *квазиконституционной монархией*. Оно управляло не столько равноправными гражданами, сколько подданными. Законы к под-

¹ Lohr E. *Nationalizing the Russian Empire: the Campaign Against Enemy Aliens During World War I*. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, Russian Research Centre Studies 94, 2003, xi, 237 сс. + карты, таблицы.

данным применялись по-разному, в зависимости от имущественного положения, конфессии, социального происхождения и тому подобных характеристик конкретного лица, заслуживающего, в зависимости от перечисленного, своей доли справедливости.

В первой главе этого фундаментального и в то же время увлекательного труда обсуждается дилемма, перед которой оказалось государство сразу после объявления войны: поощрение патриотизма, нацеленное на мобилизацию населения, вылилось в поддержку погромов и бунтов, ставших угрозой общественному порядку. Э. Лор исследует отношение левых и правых партий к иноземцам и чужеродцам, приводя выдержки из выступлений в Думе, анализирует различные трактовки патриотизма, в том числе "разумного". Вторая глава воспроизводит тщательно документированную хронологию "патриотических" бунтов и погромов, имевших место в Москве и ряде других городов, и отношения к ним со стороны властей. В третьей - анализируется поэтапная, но скоростная национализация сначала мелкого и среднего, а затем и крупного, в том числе совместного торгового и промышленного капитала, принадлежавшего "пособникам врага". В четвертой главе автор вскрывает причины и описывает детали экспроприации и национализации обширных обрабатываемых земель, которые в некоторых губерниях составляли до 17% территории, а также эффективных сельскохозяйственных предприятий. Пятая глава посвящена анализу экономического и политического смысла вынужденной миграции и интернирования значительных масс полиэтничного населения.

Книга основана на внимательном прочтении обширной литературы, как исторической, так и современной (надо признать, в основном западной). В ней отражена колоссальная работа автора в российских центральных и местных архивах.

Что еще привлекает в данном труде, так это способность исследователя не только просветить и убедить читателей, но и увлечь их. Автор постоянно и успешно "очеловечивает" историю. Скрупулезно собранные цифры и хорошо документированные факты иллюстрируют многие положения текста и усиливают аргументацию. В таблицах приводится интереснейшая статистика о доле крупных, средних и малых предприятий, принадлежавших в обсуждаемые годы "инородцам". Основательными выглядят данные о применении государственной политики перераспределения акций, принадлежавших "пособникам". Географические карты позволяют лучше понять масштабы насильственных перемещений и экспроприации земельных владений. На страницах книги даны портреты военачальников, выдержки из речей членов Думы, отрывки газетных публикаций, фотографии последствий погромов и бунтов. Я полагаю, это - существенное достоинство научного социального исследования.

Опираясь на колоссальное количество исторических документов, на анализ российских декретов, связанных с правами чужеземцев и иммигрантов, на исследования распоряжений местных властей, Э. Лор демонстрирует, каким образом первая мировая война усилила ряд тенденций в национальной политике Российской империи и привела к качественному сдвигу в этой политике - от попыток ассимиляции, характеризовавших мирное время, к политике возможно более полного исключения иноземцев и инородцев - категории, трактовавшейся, как уже отмечалось, весьма произвольно. Он показывает, как посредством экспроприации и депортации коренной перестройке подверглись не просто отдельные предприятия и корпорации, а такие крупные социальные категории, как торговый и промышленный капитал. Он демонстрирует, что давлению и значительной переделке подверглись не просто отдельные, многочисленные этнические группы, а демографический состав населения в целом.

Уверена, что многие согласятся с утверждением автора о том, что ускоренная и усиленная мобилизация национальных чувств и представлений различных групп, на которых было оказано подобное давление, стала результатом этой государственной кампании. Интересно было бы сравнить ту мобилизацию с сегодняшней, в масштабе всей России, а также бывшего СССР.

Однако оставим развитие этого и ряда других важных и актуальных освещенных автором сюжетов иным исследователям. Я полагаю, что сегодня наиболее интерес-

ным для читателей "Социса" будет не только исторически точное и аккуратное исследование экономической и национальной политики России времен первой мировой войны по отношению к "инородцам" и "чужестранцам". На примере событий давно минувших мы имеем еще одну возможность увидеть, каким именно образом всесильное государство решает ряд экономических и социальных вопросов, признавая права и свободы за одними лицами и лишая этих прав других, сортируя своих подданных на друзей и врагов и поступая с ними соответственно.

Одним из многочисленных достоинств издания, на мой взгляд, является тщательный анализ причин, по которым среди руководства предприятий, инвесторов, владельцев городских и сельских производств, руководителей среднего звена и квалифицированных работников, ряд этнических меньшинств, на том или ином этапе подпавших под категорию "пособники врага", составлял процент, существенно превосходивший их долю в населении.

Э. Лор прослеживает, как то же самое государство, которое с середины XVIII до середины XIX вв. поощряло заселение юга Украины, Поволжья, Северного Кавказа и ряда других малонаселенных регионов выходцами из Европы, уже к концу XIX в., в связи с бурным ростом населения, резко изменило национальную политику. Сначала как наименее лояльные подданные православного государства были ограничены в правах приобретения земли евреи и поляки, затем и немцы, которые в упомянутых губерниях, согласно переписи 1897 г., составляли свыше 2 млн. человек (с. 4). Слабая конкурентоспособность общинного способа производства, обнаружившаяся вскоре после освобождения крестьян, оказалась главной причиной такого ограничения. Как видим, национально-охранительные тенденции возобладали над соображениями экономической целесообразности.

Во второй половине XIX в. российское государство вызвало новую волну иммиграции, активно привлекая из-за рубежа мастеровых, торговцев, техников, владельцев и руководителей малых и средних предприятий - тех, кто мог и реально способствовал ускоренной модернизации страны. Как следствие, к 1914 г. "пособникам врага" принадлежало, в частности, свыше 14% акционерного капитала, в том числе 10% в машиностроении, по 11% в металлургии и химической промышленности, 17% в энергетике и 23% в пищевой промышленности (с. 72). Однако "недолго музыка играла". Несмотря на заверения о намерении соблюдать права всех находящихся на ее территории лиц, вскоре после начала войны Россия перешла к активным и успешным действиям, полностью опровергающим это заявление. Э. Лор доказывает, что с сентября 1914 г. меры, предпринятые Россией против "пособников врага", по своей жесткости и постоянству существенно превосходили все, что делалось другими союзными государствами. Попытки решать ряд текущих экономических и социальных проблем за счет этих "пособников", на первый взгляд, были уступкой давлению общественности, а в действительности имели в виду гораздо более масштабные цели радикального передела собственности. Этапами такой деятельности стали: требование немедленной продажи лицами, объявленными неблагонадежными, предприятий и акций, экстренное закрытие принадлежащих им фирм, арест имущества, перевод большого числа предприятий под прямой контроль государственных чиновников; земельные владения арестовывались, а затем национализировались; прежние владельцы высылались в места отдаленные. Таким образом, несмотря на то, что подобные действия опять-таки оказывались экономически не совсем целесообразными, поскольку в ряде случаев затрудняли снабжение в военное время, отощавшая госказна получила шанс значительно пополниться. А главное, государственная идеология - укрепить единство в борьбе с врагом. Шанс этот был использован фактически сполна.

Особый интерес представляет способность автора продемонстрировать слабость правового государства и гражданского общества в царской России: частные интересы весьма часто и всегда легко приносились в жертву государственным; частная ответственность с легкостью необычайной переходила из рук "пособников" в руки приви-

легированных групп; интерпретация правил и уложений оказывалась предметом увлеченного творчества многочисленных местных исполнителей (с. 70).

Кампания по борьбе с "пособниками врага", как справедливо замечает Э. Лора, существенно подорвала и без того не слишком уважаемый в России принцип неприкосновенности частной собственности и власти закона. Интересно, например, что уже тогда Россия, по наблюдению Лора, оказалась единственным государством, которое лишило лиц иностранного происхождения - граждан государств, с Россией воюющих, права защищать свои экономические интересы в суде (с. 68). Как мы знаем из последующей истории, избирательное ущемление прав подданных оказалось устойчивой привычкой российского государства.

Достоинством книги является и способность автора анализировать политику национализации в более широком социальном и экономическом международном контексте. Здесь можно найти осторожные и тщательно обоснованные параллели с политикой Оттоманской, Габсбургской, Китайской и Британской империй (с. 7, 8, 43, 49 и др.). Еще одной из отличительных черт данной работы является подход к описываемым событиям в широкой исторической перспективе. Речь идет об учете как российской политики XVII в. по отношению к иноземцам, так и ее некоторых весьма отдаленных последствий уже в советское время. В этом отношении объяснение Э. Лором того, как определенная деятельность государства создала существенный прецедент для многочисленных и успешных притязаний советского государства на контроль за населением и экономикой, исключительно важно для лучшего понимания последующего периода. Автор отмечает, что такая деятельность в революционном репертуаре большевиков станет центральной, начавшись как национализация частной собственности и увенчавшись идентификацией, чисткой и физической ликвидацией многочисленных категорий "врагов" среди населения (с. 171-172).

Как, вероятно, хорошо известно читателям "Социса", представление о враге постоянно присутствует во внутренней российской политике. Враг этот принимает разные обличья и называется по-разному: шпионы, враги народа, "бывшие", единоличники, кулаки и подкулачники, спецпереселенцы, примкнувшие, лишенцы, болтуны, лентяи и тунеядцы, лица, побывавшие на оккупированной территории, вейсманисты-морганисты, космополиты, лакеи буржуазии, агенты и идейные приспешники империализма, летуны, отказники, подписанты, невыездные, стилиаги и приверженцы западного образа жизни², диссиденты, спекулянты, цеховики, лимитчики, лица кавказской национальности, нелегалы, террористы..., не говоря уже о поколениях советских колхозников, живших без паспорта до восьмидесятых годов XX столетия. Все это были категории лиц, к которым законы постоянно, в мирное время, применялись весьма избирательно (если применялись вообще).

Поэтому, полагаю, не утратили актуальности детальные описания того, как внезапно бывшие сторонники объявляются врагами. Как, несмотря на явные потери для экономики страны, их предприятия переходят в другие руки, дробятся, разбазариваются. Как государство вмешивается в экономическую деятельность частных предприятий, принадлежащих "неугодным", посредством ликвидационных комиссий, инспекторов и контролеров. Как оно внезапно и поспешно пересматривает законы и правила, создавая их скорее для частных ситуаций, чем для универсального применения. Полагаю также, что книга Э. Лора о внезапной и всепроникающей национализации публичной и даже общественной жизни России почти столетней давности будет интересна не только историкам, но и социологам, политологам, экономистам - всем интересующимся историей и современностью России.

² Хевеши М.Л. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. М.: Международные отношения, 2002.